

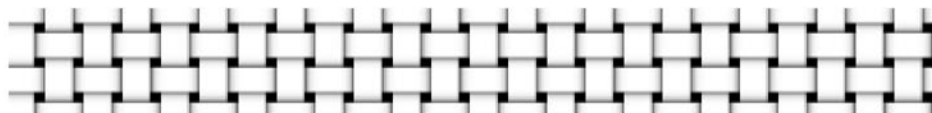
A vibrant illustration of a dragon with large, patterned wings (yellow, orange, and purple) and a pink and white body, flying over a misty mountain landscape. In the foreground, a large pink flower is visible on the right side. The background features stylized mountains and a blue sky with a small figure on a distant peak.

М
И
К
Р
О
А
И
И
И

Микролит 3

г. Гулькевичи 2011

Главный редактор: Иван Кротов
Заместитель редактора: Игорь Васильев

Редколлегия: Анна Мамаенко
Александр Мартусенко

Творческий совет: Иван Карасев
Нина Хрущ

Верстка: Иван Кротов

На обложке использована работа, взятая из интернета.

На первой странице работа И. Карасева “Искажение паруса”.

Мнение редакции может не совпадать с точкой зрения авторов. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Редакция не вступает в переписку с читателями. Перепечатка материалов по согласию с редакцией.

Адрес для писем: 352152, Краснодарский край, г. Гулькевичи, ул. Пионерская 96,
ТО «Ладомир». e-mail: wall55@mail.ru. Тел: (86160) 5-32-63

Иван Кротов

г. Гулькевичи

«Грязные» мысли о чистоте жанра.

*увидев баобаб –
«это неопишимо!» -
решила собака
(народная мудрость)*

Завершившийся в конце прошлого года третий конкурс хайку снова оживил дискуссии на тему «что есть хайку?» и «с чем его едят?» (то бишь – как пишут). Для некоторых авторов становится откровением, что в среде «хайкумены» существует сложившаяся субкультура со своими знатоками и авторитетами, которые задают тон дискуссиям и ставят последнюю точку на литературных конкурсах и сетевых обсуждениях. У оставшихся в стороне от магистрального направления это нередко вызывает шок и неприятие. А также ожесточённое желание оплевать ушедший паровоз. Причём, как слева, так и справа: одни требуют ревностного соблюдения канона 5-7-5 (есть, есть ещё и такие пуристы!), а другие – требуют вообще отказаться от соблюдения каких бы то ни было правил. Думаю, что и те и другие обречены. Кто не верит – пусть посетит основные хайку-сайты и перелистает периодические издания. Выпуск четвёртого номера альманаха «Хайкумена» показал, что сложившееся большинство российских хайдзинов придерживается других принципов, которые я бы охарактеризовал как «внутреннее хайку». Принятые ими правила игры предполагают уделение *меньшего* внимания формальным признакам жанра (сезонки, размер) и очень строгое отношение к содержательной части: недосказанности, сопоставлению, отсутствию метафор и т. д. Думаю, что ещё лет 10-15 эти не писанные правила будут доминировать в джунглях хайконета.

Вообще, интересна эволюция модных взглядов в данной субкультуре: лет десять назад многие считали правильным писать *хокку*, а не хайку. Проехали. Сейчас любители хайку азартно обсуждают на своих форумах разницу между хайку и сенрю. Наверно, это неплохо: знание – сила, хотя и чувствуется некоторое влияние моды. Возможно, в дальнейшем кто-то предложит писать хайку в столбик, как это делается в Японии, или займётся детальным изучением различий между школами хайку на родине жанра. Проблема в том, что для массового русского читателя разница между хайку

и сенрю (дзаппай +...) неощутима. В лучшем случае, воспитанный переводчиками старой школы, на чудесном «Одинокое сверчке», наш читатель получил не совсем точное, но своё, близкое нашей национальной речевой традиции представление о жанре восточной стихотворной миниатюры. Для такого читателя не столь важно, сенрю перед ним или ещё какой хайкай, а то, насколько данное стихотворение соответствует его ощущениям. И в этом смысле многие «правильные» хайку кажутся чем-то чужеродным в русской языковой среде.

Миллион раз писалось о различии между русским и японским языками. Японский лаконизм и безличность, столь органичные в рамках дальневосточной культуры, на российском поле грозят обернуться сухостью и невыразительностью, фанатичным стремлением к усекновению «лишних» слов и слогов. И в итоге – косностью речи. В конце концов, сами японцы используют вспомогательные слова, не несущие смысловой нагрузки. Слова «как» «словно» и т. п. у нас частенько несут вспомогательную нагрузку, либо бывают необходимы для благозвучия. Ведь помимо прочего стихотворение должно быть ещё и *легкочитаемо*. Что не мешает ему нести дополнительную смысловую нагрузку, литературный контекст и прочая, прочая... Это странная особенность нашего национального менталитета: встретившись с чем-то иноземным, мы впадаем в детское умиление и не его, это иноземное изобретение, подстраиваем под себя, а наоборот. Решив заимствовать военно-технические решения из Европы, мы начали брить бороды и курить табак. А подражая японскому стихосложению готовы кромсать собственную живую речь, да ещё и спорим, у кого это лучше получается. Кстати, корейцы – ближайшие соседи Китая, - создали на основе китайской иероглифики собственную *азбуку* (не глифику!) весьма отличную от оригинала. Чем мы хуже? В прошлом номере Микролита мы писали о жанре т. н. «*японского сонета*» – вот пример живого осмысления японских традиций! В любом случае мы должны сказать большое спасибо ревнителям традиций, даже если не согласны с ними: ведь чтобы что-то отрицать, необходимо *знать* о предмете спора. Только опираясь на сохранённую ими позицию можно двинуться дальше – *нельзя опереться на то, что не сопротивляется*. Тем более, что у «правильных» хайку есть одно неоспоримое достоинство: высокая информоемкость. Давно известно, что стихотворная речь обладает большей информационной насыщенностью чем проза, и хайку в этом смысле – вне конкуренции. Поэтому, наверно, попытки «писать как японцы» будут продолжены в любом случае. Хотя и здесь важно не переступить определённую черту, после которой сообщество хайдзинов рискует превратиться в группу авгуров,

обменивающихся тайными знаками, которые, может, и несут бездну смысла, но непонятны никому из окружающих. А поэзия перестаёт быть таковой, если становится языком общения замкнутой секты.

И вот, после всего вышесказанного - освободив своё сознание от «грязных» мыслей – мы можем с чистой совестью пожелать попутного ветра всем, кто хочет описать неопишемое!

Игорь Васильев
ст. Северская

Иван Кротов
г. Гулькевичи

Памяти Максима Максименко

Втоптали в асфальт
Пёструю бабочку.
Недолго порчала

Не прочесть надпись
На храмовом флаге.
Тёплый ветер.

Праздничная толпа.
Где она,
На другое утро?

Не нужны
Твердые Луншань
Ступени дорожек.

Смеются иль плачут
В лунную ночь
Призраки за окном?

К чему жить?
Зачем умирать?
Шумит ветер

Утром покой
На осеннем озере.
Птицы улетели.

раковина улитки –
две царапины было
в её судьбе

вечерняя пробежка
далеко, над городом,
фейерверк

крынки на плетне,
или головы на колах?
туман в Молдове

всё, что сегодня
имеет значение – ветер!
лишь ветер...

медленно-медленно
вверх до самой плодоножки
ползёт улитка

пасмурный день
рыжие бабочки
из-под ног

о вечном под утро –
только с Басё...
и то редкий гость

ТРЁХСТИШИЯ

Нина Хрущ
г. Гулькевичи

Илья Ковалёв
г. Краснодар

Папоротник не расцветет.
Ты же знаешь,
Что клад зарыт в моем сердце.

Жарко. Иду в Хатлапе
За пивом холодным.
В желтом халате.

Знак камнепада.
Оставляю здесь сердце свое,
Где осыпаются камни.

Долго за солнцем идем.
Ночь, знаю,
Будет холодной.

Что поразило!
В мелкой воде
Можно легко оступиться.

Хочешь, как птица летать?
Ты ж разобьёшься о небо!

Жалкие пчелы...
Лениво завязли в меду.
Как же на них ты похожа.

Собака призналась в любви.
Стала на миг я счастливой.

Горек
Каштановый мёд.
Всё познается в сравненьи.

звонкой капелью
опять о себе возвестили
соседи сверху

умом не понять
мне Японию –
где же аршин мой?!

город большой
опять в вытрезвителе
незнакомые лица...

Алексей Передереев
г. Краснодар

И на одной из трелей,
Бездыханный упал соловей.
Захлебнувшись любовью
нахлынувшей.

Дятел – трудяга,
Лечит кору старой сакуры.
Так через боль идет
выздоровление...

Облезлый, голодный кот,
Вернулся домой через месяц.
Отдавав любви в избытке...

И слезы березки немые катились
С глубоких ран на коже коры.
Какое дело до ран собирателям
сока?

Иван Карасёв
г. Краснодар

Апории Филиппыча

«Хорошая у меня собака», - думал Филипп Филиппыч.
«Хороший у меня Филипп Филиппыч», - думала собака.

Филипп Филиппыч был очень смелым человеком.
Например, вчера он не побоялся признаться в собственной трусости.

Рис. И. Карасёва
«Творец и его тварь»

Однажды Филипп Филиппычу сказали, что его голова пуста.
– Пуста, а звенит, – возразил Филипп Филиппыч.

Филипп Филиппыч вечно опаздывал. Даже, когда ему подарили велосипед. Потом он купил автомобиль, но тоже не смог вовремя приехать на работу и важные встречи. И если бы знакомый олигарх, как и обещал, предложил бы Филиппычу сверхскоростной самолет, то и он бы не исправил сей порок. «Опоздание не зависит от скорости перемещения», – сделал вывод Филипп Филиппыч и вообще перестал ходить на работу и куда-либо спешить.

Филипп Филиппыч любил задавать вопросы, но почему-то на каждый вопрос получал не то, что хотел. Например, вчера хотелось ему гусочки, а он получал курочку, позавчера хотел водочки, а получил яблочко. Но как-то раз он получил по морде и перестал задавать вопросы.

По правде сказать, он давно хотел это получить, но стеснялся спросить.

Однажды жена Филипп Филиппыча начиталась модной философии и стала применять ее на практике. Сядет, бывало, Филипп Филиппыч за стол, а жена ему:

– Есть – значит голодать.

Станет бранить жену за то, что не разбудила его на работу, а та в ответ:

– Знать – значит забывать.

И никак не мог ее Филипп Филиппыч проучить. «Может быть, сковородкой, – отчаивался в сердцах Филиппыч, – но как-то не модно и не по-философски».

* для подражания (лат.)

Игорь Васильев
ст. Северская

Сакура в берёзовой роще (отрывки из книги)

Старинный монастырь догорал. Богатства растаскивали. Монахов убивали. Один из разбойников с тоской глядел на зарубленного настоятеля. «И эта свинья теперь в раю» - думал он.

*Дерево упавшее
В покое оставили
Буйные ветры.*

Старый свиток

Жизнь становится призрачной. Краски блекнут и стекают на землю. Бумага вот-вот свернётся.

*Шуришит и трётся
О голые камни
Листок упавший.*

Истина есть всё то, во что верят.

Однажды казнили трёх разбойников. Один из них был больным. Другой – пропойцей. Они были слабы и умерли вскоре после того, как их стали пытаться. Третий разбойник был на редкость вынослив. Поэтому он страдал весь день.

*Бьётся в лужице
Крупная рыба.
Отлив.*

Я умру. Человечество исчезнет.

*Некоторые вещи.
Мы знаем.
Их мало.*

Некий монах умирал. Его ученики печалились. Многие из них были бедны и одиноки. «Жизнь отравлена старостью и болезнью. Но без меня ученикам будет плохо. Легко умирать одинокому. А жить – трудно» - думал монах перед смертью.

*Не зябнут на рассвете
Отрубленные головы.
Туман.*

Некий молодой человек печалился, если гуляющие девицы блудили. Или зимой шёл снег. Это было прискорбно.

*Липкая грязь
Обувь облетела.
Дожди.*

У вольного человека есть две радости. Умирая от голода, он забудет о пище. Замерзая почувствует тепло.

*Не бьёт ветер
Трухлявый пенёк.
Вершина горы.*

Человечество похоже на больного старика. Чтобы жить, ему надо так много!

Человек, страдающий манией величия, забывает, что у других она тоже есть.

иллюстрации Ивана Карасёва

Юрий Смертин
г. Краснодар

Кисэн: «цветы на обочине»

Кисэн, «искусные женщины», в традиционной Корее играли важную роль в общественной и культурной жизни и составляли особую социальную и профессиональную группу. Это были куртизанки, обученные музыке, танцам, пению, поэзии, поддержанию разговора - всему тому, что было необходимо для развлечения мужчин из высших классов на банкетах и вечеринках. Они подавали еду, напитки, за деньги оказывали интимные услуги, но не были проститутками в западном смысле.

Институт профессиональных развлекательниц мужчин был общим для стран Восточной Азии, поскольку общими были его основы, уходившие корнями в конфуцианскую мораль. Основой государства считалась добропорядочная семья, во главе которой стоит патриарх, совершающий жертвоприношения предкам, от благорасположения которых зависит настоящее и будущее домочадцев. Браки устраивали родители через посредников на основании деловых расчетов. Женщины занимали низшее положение в семье, они были малообразованны, в том числе и в области сексуальных отношений. Их основной функцией было рождение сыновей, которые будут, в свою очередь, отправлять ритуал почитания предков. Любовь и даже проявления нежности по отношению к женам и наложницам не приветствовались общественной моралью. В этой ситуации мужские потребности в симпатии, понимании и привязанности находили ответ в красивых, жизнерадостных, образованных и умных куртизанках.

Однако существовали различия, обусловленные национальными особенностями. В Китае, например, низкородные девушки для развлечений – «цзи», сосредоточивались в особых заведениях, которые назывались «зеленые беседки», «винные дома», «дома песен» и т.п. В них мужчины искали и находили отдых и умиротворение, изысканную пищу, музыку, танцы. С образованными куртизанками можно было поговорить о поэзии, политике и других возвышенных предметах, причем, их довольно высокий интеллектуальный уровень был по большей части результатом самообразования и общения с клиентами. В этом они были похожи на греческих гетер. Главное отличие было в том, что сексуальные услуги в этих встречах занимали второстепенное положение, поскольку, как метко заметила английская исследовательница Рей Тэннэхил, «добропорядочный

муж в Китае часто ходил к проституткам, но не для секса, а для того, чтобы избежать его». Даже люди среднего достатка имели по несколько жен и наложниц, а количество женщин в семьях аристократов исчислялось десятками. И они не страдали от невнимания. *Эротологическая мысль Китая основывалась на том, что продление жизни мужчины напрямую связано с получением женской, «иньской», энергии во время полового акта. «Большую пользу приносят сношения со многими различными женщинами. Лучшее всего в течение одной ночи заниматься любовью не менее чем с десятью женщинами»* (выделено ред.). Разумеется, это требовало специальной практики, изложение которой не входит в задачу автора.

В Японии мужчины из высших классов и зажиточные горожане посещали куртизанок, которые концентрировались в специальных кварталах больших городов. Гейши были изящно одеты и причесаны, они знали все тонкости этикета, были сведущи в классической литературе и искусствах, а потому были умными и приятными собеседницами. Но главным профессиональным качеством гейши был музыкальный талант, умение петь и танцевать. Чтобы овладеть всем этим, необходимо было учиться в специальных школах, а после долго совершенствоваться в своей профессии. Внешняя красота не имела большого значения, а сексуальные услуги не подразумевались при заказе девушки через чайный дом, хотя и не исключались при ее согласии. Зарабатывать проституцией гейшам запрещалось законом, на этом поприще официально трудились т.н. «ойран». Нередко между женщиной и гейшей возникала настоящая любовь, которая могла кончиться трагически из-за невозможности соединиться возлюбленным. Случаи двойного самоубийства часто встречаются в классической литературе и драмах театра Кабуки. Такая глубина взаимных чувств была немыслима в Китае и Корее, где влюбляться могли только женщины, мужчины же должны были сдерживать эмоции. Это хорошо прослеживается в поэзии. Конфуцианские моралисты этих стран не терпели открытого выражения эротических чувств в литературе, японская же поэзия открыто говорила о чувственной любви.

Чтобы лучше понять специфику и значение корейского института кисэн, необходимо обратиться к положению женщин в Корее.

Роль и поведение женщины в традиционном корейском обществе определялись конфуцианскими стереотипами: она должна быть

внимательной невесткой, послушной женой, мудрой матерью и, в случае смерти мужа, целомудренной вдовой.

Девочка с семилетнего возраста ограждалась от компании мужчин и мальчиков, она обучалась премудростям домоводства, включая приготовление пищи, в том числе и жертвенной, вышивание, шелководство. Образования девушки не получали, поскольку книжная образованность считалась только мужской добродетелью. Женщины из семей высшего класса, состоявшего из конфуциански образованных государственных чиновников-янбанов, осваивали некоторое количество китайских иероглифов, могли читать и писать по-корейски, но грамотность не входила в число обязательных качеств, коими были целомудрие, спокойствие, услужливость, сдержанность в разговоре, опрятность, аккуратность и умелость в гостеприимстве.

Женщины жили на своей половине дома, им запрещался непосредственный контакт с мужчинами за пределами семьи. Если, например, муж находился в отъезде, а его друг, не зная этого, приходил в гости и находил женщину одну, последняя обязательно должна была использовать непрямую форму общения. Она не разговаривала с гостем, а объясняла воображаемой служанке, где находится ее муж. За пределами дома женщины перемещались в закрытых паланкинах или прятали лица под специальной накидкой.

Выйдя замуж, женщина уходила в дом мужа и становилась ответственной за экономику домовладения, обладая довольно широкими правами собственности. Она была блюстителем родственных отношений в семье, но не участвовала в совершении обряда почитания предков. Женщины обычно пользовались уважением, и мужчины их побаивались. Женское интриганство, сложные отношения между свекровью и невесткой вошли в пословицы. При определенных условиях власть женщины в семье (а иногда и в государстве) могла быть огромной: если мужчина умирал, оставляя несовершеннолетнего сына, его жена становилась главой семьи до женитьбы наследника; если умерший мужчина не имел сыновей, его вдова становилась главой семьи до тех пор, пока сама не назначит наследника (поэтому некоторые короли назначались вдовствующими королевами). Простолюдины стремились следовать большинству янбанских идеалов и копировали на своем уровне семейные отношения элиты общества. Конфуцианство выступало за строгую иерархию в обществе, семье, между поколениями и полами. Эта патриархальная система ценностей более всего почитала рациональность, а эмоциональные проявления расценивала как проявление человеческой слабости и угрозу

социальному порядку. Браки не были свободными, мужчина женился на девушке, избранной для него семьей. Но он мог иметь т.н. второстепенных жен* и любовниц, которых выбирал сам. Жена же была обязана в течение всей своей жизни быть сексуально и эмоционально верной мужу. Ей даже запрещалось выражать ревность, это могло стать поводом для развода. Как жена и мать, как домоуправительница, женщина пользовалась уважением в семье, но оно было формальным и не зависело в основном от личных качеств. Она воспринималась конфуцианским обществом не как уникальная личность, а как важная социально-биологическая функция.

Кисэн жили вне этой конфуцианской системы или на ее краю. Они принадлежали к наследственному низшему классу чхонмин**, матери их зачастую тоже были кисэн. Девушки, предназначенные к этому ремеслу, рано забирались из семей и готовились для карьеры, которая исключала нормальное замужество и семейную жизнь. Однако кисэн имели большую экономическую независимость, в отличие от остальных корейских женщин, и свободу общения с мужчинами, облеченными властью. Они имели возможность реализовать себя как личность через музыку, танцы, поэзию и свободную любовь.

Главной аудиторией для кисэн были король, главный министр, губернаторы провинций, могущественная группа ученой бюрократии, поэты, художники, каллиграфы, аристократы, высокопоставленные военные, иностранные посланники. Традиция дворцовых развлечений с участием кисэн ведет с периода правления династии Корё (918-1392 гг.), девушки принимали участие в дворцовых церемониальных банкетах. С усилением неоконфуцианства при династии Чосон (1392-1910 гг.), которое сильно ограничило свободу женщин (кроме всего прочего им было запрещено принимать участие в званых вечерах), кисэн стали выступать при дворе исключительно перед мужчинами.

Красота большинства известных кисэн вошла в легенды, они были желанными партнерами для сексуальных развлечений янбанов, готовых

**Браки с второстепенными женами не предполагали общепринятых свадебных ритуалов. Эти женщины, обычно низкого социального происхождения, не имели прав на семейную собственность, они могли быть изгнаны, особенно если не рожали сыновей. Их дочери также зачастую становились второстепенными женами.*

***Чхонмин (презираемые люди) составляли особую социальную группу, в которую входили рабы, и представители презираемых профессий: мясники, плетельщики корзин, различные развлекатели, включая кисэн, и шаманы. Хотя они были исключены из государственной экзаменационной системы и юридически были бесправны.*

дорого заплатить за удовольствие, но их добровольное согласие на связь было обязательным. Кисэн и сами влюблялись, но, из-за своего низкого социального и юридического статуса, они не могли рассчитывать не только на замужество, но и на длительную связь с поллюбившимися мужчинами. Они вынуждены были ждать очередного визита возлюбленного, пытались удерживать его как можно дольше, но знали, что рано или поздно он вернется в свою среду, к своей семье, своим женам.

Никто не ожидал абсолютной верности от кисэн, эта добродетель была уделом благородных женщин. Поэтому те из них, которые испытывали глубокие чувства к мужчине, пребывали в серьезном моральном конфликте. Есть немало известных историй, повествующих об этом коварном аспекте любовных связей кисэн. В одной из них кисэн по имени Чхунхян необычайно понравилась сыну правителя уезда. Юноша обещал не покидать Чхунхян ни при каких обстоятельствах и заключил с ней в письменной форме нечто вроде брачного союза. Однако его отец вскоре был переведен в столицу на высокую должность, и сын должен был последовать за ним. Влюбленные поклялись в верности до гроба и расстались с тяжелым сердцем. Новый уездный начальник потребовал профессиональных услуг Чхунхян, и она не имела оснований для отказа. Но женщина хотела остаться верной любимому человеку и всячески противилась домогательствам, за что подверглась суровым наказаниям и была заключена в тюрьму. Тем временем юноша усердно учился в столице китайским премудростям, не забывая о возлюбленной. Триумфальная сдача государственного экзамена в присутствии короля открыла ему путь к государственной службе; он был назначен на высокий пост инспектора в южных провинциях, в том числе и в том самом уезде, где жила Чхунхян. Явившись инкогнито в родные места, юноша узнал о судьбе любимой и о несправедных делах правителя уезда, и добился его отстранения. Влюбленные воссоединились, а растроганный государь пожаловал Чхунхян титул «верной жены». «Вообще необыкновенная верность и у замужних-то женщин встречается крайне

редко, а тем более у певички - вот что здесь главное», - заключает повествование неизвестный автор. История Чхунхян стала необычайно популярна в Корее. Свобода кисэн была ее привилегией, также как и ее добровольная зависимость, - это отличало ее от остальных корейских женщин.

Любовь приходит и уходит, в ней нет постоянства: кисэн знали это как никто другой. Свои чувства многие из них доверяли стихам, которые стали высшим достижением корейской любовной лирики. Их специфический общественный статус позволял свободно говорить о своей любви к мужчинам, игнорирую конфуцианские формальности и этическое лицемерие. Кисэн писали стихи в классическом жанре *сиджо**, чрезвычайно популярном в эпоху Чосон. Под влиянием китайской культуры стихотворчество в Корее стало занятием образованных мужчин, рассматривавших свое творчество как средство воздействия на умы правителей и равных себе. Темы, отношение к жизни в мужских сиджо во многом повторяли китайские поэтические образцы. Считалось, что женщины, создания более эмоциональные, неизбежно «портили» поэзию излишней чувственностью и снижали ее назидательный уровень. Поэтому только кисэн с их уникальной свободой самовыражения и маргинальным социальным положением могли заниматься поэтическим творчеством.

Поэзия кисэн была в основном анонимной. Какими бы совершенными и уникальными ни были их стихи, они не могли рассчитывать на их публикацию и общественное признание. Поэтическое дарование кисэн могло высоко цениться мужчинами, которых она развлекала, даже известными поэтами, и приносить некоторые материальные выгоды. Но она не могла претендовать на запись своих биографических данных в официальных хрониках, чтобы войти в историю как признанная обществом творческая личность. Тем не менее, влияние этих поэтесс на лирические традиции корейской поэзии и народную культуру было чрезвычайно большим. Их стихи распространялись устно, собирались в частных коллекциях, и позднее, иногда через век и более после смерти поэтессы, попадали в собиравшиеся учеными-поэтами антологии. Однако, зачастую авторов и время создания стихов установить невозможно.

Самой выдающейся поэтессой Кореи считается Хван Джини (1506?-1544? гг.). Она родилась в благородной семье, получила хорошее домашнее

*Сиджо - поэтическая форма, популярная в Корее в XV-XIX вв. Стихотворение этого жанра писались на корейском языке и состояли из трех строк, каждая из которых содержала определенное количество слогов - в сумме 45.

образование, но неожиданно для всех стала кисэн. Мотивировала она свой поступок неожиданной смертью любимого юноши и осознанием мимолетности человеческой жизни. Ее поразительная красота и талантливость вошли в легенды, и не было при ее жизни мужчин, оставшихся равнодушными к ее достоинствам. В числе ее любовников были самые знаменитые люди, в том числе и Им Дже, известный писатель и поэт. В одной из своих поездок он посетил могилу Хван Джини и под влиянием нахлынувших чувств написал стихотворение в форме сиджо.

*Ты спишь под землю, поросшей зеленой травой,
Здесь белые кости твои, красота же исчезла, увы!
Тебя поминаю. Как грустно! Немного вина выливаю
на эту траву.*

(здесь и далее перевод автора)

Хван Джини (литературное имя Мёнволь, «Ясная луна») создавала любовные поэмы несравненной красоты и искренности. Это поэзия торжества чувственной любви, но, в то же время, специфика отношений кисэн со своими любовниками янбанами придает ее стихам привкус сожаления, грусти и горечи. Они пронизаны мыслями о близкой разлуке, и даже надежды на следующие встречи окрашены осознанием временности и случайности любви.

*Ах, что я сделала. Ведь разве непонятно было,
Что он остался бы, коль я бы предложила.
Упрямая, дала ему уйти, и вот теперь скучаю.*

Самое известное и самое любимое в Корее сиджо Хван Джини повествует о тоскливом одиночестве в долгие зимние ночи и, в то же время, радостном ожидании страстной встречи с возлюбленным с приходом весны.

*Середина самой длинной зимней ночи. Часть ее отрежу,
Сложу и положу под одеяло, пахнущее ветерком весенним.
А разверну, когда придет он, чтоб продлить ночь
нашей встречи.*

За поэтический талант, за красоту и ум Хван Джини называли одним из трех чудес Кэсона.

Другой знаменитой кисэн была Хоннан, жившая во второй половине XVI в. Сохранилось только одно ее сиджо, оно адресовано высокопоставленному чиновнику и известному поэту Чхвэ Кён-чану. Их отношения возникли в период пребывания господина Чхве в родном городе Хоннан Кёнсоне, где он находился по делам службы. При расставании кисэн вручила ему глубоко прочувствованные стихи

*Сломала ветку ивы и тебе, мой господин, послала.
Хочу, чтоб посадил ее ты у окна своей опочивальни.
В ночном дожде раскроет она почки - ты думай,
это я к тебе пришла.*

Стихотворение полно намеков и традиционных для дальневосточной поэзии символов. Ива - буддийский символ кротости - использовался поэтами как неисчерпаемый образ благодаря своей красоте, податливости и утонченности; она олицетворяла прекрасный пол. Ива была также символом разлуки, и сломанные ее ветви дарили друзьям при расставании. Дождь был эротическим символом. Дождем, согласно архаическим представлениям, небо-мужчина оплодотворяет землю-женщину. Эротизмом растительного происхождения также являются раскрывающиеся почки. В корейском оригинале упоминается «дикая ветка ивы», что при переводе на русский язык выглядит несколько странным. Это намек на то, что Хоннан - это дикая, свободная, не прирученная любовь Чхве, в отличие от законной «одомашненной» супруги, матери его детей и невестки его родителей. Чхве Кён-чан был так восхищен ее стихотворением, что перевел его на ханмун («китайское письмо»), язык, считавшийся престижным в интеллектуальных кругах. Это было самым высоким комплиментом, который мог сделать кисэн человек его положения. Через три года разлуки Хоннан узнала, что Чхве серьезно заболел, и поспешила в Сеул. Семь дней и ночей она провела в пути и, наконец, встретила с возлюбленным. Эта новость шокировала королевский двор, встреча была расценена как крайне неуместная, прежде всего потому, что в это время был объявлен национальный траур по случаю кончины члена королевской семьи. Чхве был смещен с поста, а Хоннан отправили в Кёнсон. После смерти Чхве она провела три года у его могилы. Таких верных кисэн было немало. В Корее хорошо известны имена двух из них: Чхунджоль и Юджи. Эти свободные женщины были преданы своим обожаемым аристократам, которые не были даже их любовниками, и носили траурные одежды после их смерти.

Но среди кисэн были и менее возвышенные натуры. Существует много историй о том, как обольстительные кисэн обирали мужчин, исполнявших все их желания. Судя по ним, особую опасность в этом смысле представлял Пхеньян, славившийся самыми красивыми женщинами. Богатые купцы, приезжавшие в этот город по торговым делам, часто тратили все свое состояние на полюбившихся кисэн и, разорившись, становились их слугами. Чиновники тоже не отличались стойкостью духа. В классической повести “Ли Чхунпхун-джон” рассказывается, как королевский инспектор Ли Чхунпхун потратил все казенные деньги на кисэн и был вынужден пойти к ней в услужение. Существует поговорка, смысл которой сводится к тому, что кисэн не будет довольна собой до тех пор, пока у ее любовника остаются деньги.

О том, какую важность представлял институт кисэн в период Чосон, можно судить по многочисленным конфликтам на вершине власти, касавшимся вопросов его численности и содержания. Число кисэн, ангажированных правительством и получавших жалование рисом, сильно варьировалось в зависимости от конкретного режима. В ранний период династии каждые три года двор набирал около ста кисэн. Примерно столько же посылалось в провинциальные центры и на военные заставы. Немногим больше было, видимо, число неофициальных кисэн по всей стране. Но во времена правления узурпатора Юнсангуна (1494-1506 гг.), известного своим пристрастием к любовным утехам, число кисэн только в столице превысило десять тысяч; они были разделены на сто специализированных категорий. Высшую из них, числом 300, составляли те, кто пользовался королевской семьей; на содержание этих женщин шла немалая часть налоговых поступлений. Сам Юнсангун не пропускал ни одной девушки, взятой его “охотниками на женщин”. При его режиме разгорелись острые дебаты по поводу института кисэн, которые затрагивали политические, экономические и религиозные проблемы. Последние возникли в связи с намерением Юнсангуна изгнать буддийских монахов из самого влиятельного монастыря Вонгакса и поселить там кисэн, что вписывалось в его политику вытеснения буддизма из общественной жизни и превращения неоконфуцианства в государственную религию. Это привело к открытому религиозному и политическому конфликту. Безмерная увлеченность Юнсангуна женским полом разоряла государственную казну, что порождало полемику в обществе, которая продолжилась и в последующие столетия. Те люди, которые выступали против института кисэн, выступали и против власти конфуцианской бюрократии, поскольку она была основным потребителем услуг куртизанок. Какая-то группа могла критиковать правительство с

популистских позиций, заявляя, что расходы на кисэн истощают государство и сокращают расходы на удовлетворение народных нужд. Конфуцианские пуритане осуждали неправедных правителей, погрязших в распутстве и похоти. Те же, кто отстаивал институт кисэн, заявляли, что он отвечает принципу централизации искусств и монополизации символов национального единства. Важным доводом был тезис о том, что наличие кисэн помогает правительству контролировать армию, особенно войска, находившиеся далеко от столицы. После свержения Юнсангуна группа придворных кисэн была распущена. Однако вся эта борьба не поколебала прочность этого корейского национального феномена. Хотя придворные куртизанки были изгнаны из дворца, институт кисэн сохранился вплоть до конца последней королевской династии, т.е. до 1910 г.

Во второй половине правления династии Ли кисэн были разделены на три класса. Высший и самый привилегированный из них составляли женщины, обученные танцам и пению для развлечения высшего общества: они привлекались для выступлений на государственных праздниках, им разрешалось принимать в своем доме личных гостей. По достижении тридцатилетнего возраста они оставляли свою профессию. Ниже их стояли кисэн, которые также обслуживали банкеты в качестве певиц и танцовщиц, но вдобавок подрабатывали проституцией. Третий класс составили проститутки, которым было запрещено исполнять официальный репертуар кисэн первого класса. В конце правления династии Ли, с разрушением традиционной социальной системы, четкая градация кисэн исчезает, и этим словом стали называть всех женщин, профессионально развлекавших мужчин.

Для иллюстрации статьи использованы работы средневековых корейских художников

АНТИЧНЫЙ СТИХ

Гекзаметр тоже может стать объектом минималистического поиска: вспомним хотя бы пушкинские строфы. В этой своей ипостаси он становится похож на ритмическую прозу...

Игорь Васильев

ст. Северская

Волны вдали так черны, словно зыби, поднятые плугом.
Тени над ними судов будто тучи неслышно плывут.
Видно с горы далеко, в глубь простора туман распахнулся,
Плавно спадает гора к пенной границе волны.

Иван Карасёв

г. Краснодар

Тысячу лет, показалось, живешь ты, но мнишь себя пленником
Тянется жизнь, будто льется медовая патока всеу
Вязнешь пчелой в том потоке янтарном и приторно-горьком
Солнце никак не зайдет за седой горизонт между плахами.

Будет честней, если парусом черным забывчивость вскрыется
Слушай, Тесей, предпоследнюю исповедь вечности скорой.
Камнем с отвесной скалы скоро рухнет эпоха и вера.
Мрачен кентавр: перед смертью хлебнет еще моря Эгейского.

Иван Кротов

г. Гулькевичи

«Что ты нашёл в этой вздорной Лаисе?» - друзья говорили
Алкивиаду тайком, дружно жалея его.
«Ведьма она и не любит тебя, насмехаясь открыто;
Бегать за ней перестань», - хором просили они.
«Вот удивили меня!» - отвечал им, смеясь, афинянин.
«Любит ли рыба меня? Любят ли хлеб и вино?
Любят ли деньги, которые так мне нужны ежедневно?
Главное, я их люблю: рыбу, монеты, вино.
Женщину эту люблю и бросать не желаю. Пока что...»

Античный КСП

Фавн пробирается злой сквозь буреломы и пашни.
Он этой ночью не спал, и спать не давал никому.
Мудрой Афины сова над ним круги нарезает.
Герои собрались в поход в ближайшее к лесу сельпо.
Кассандра сидит и блажит, и насылает проклятья
На мудрые головы тех, кто изобрёл алкоголь.
Аполлону с утра не до сна, он жуёт лавровую ветку.
Очереди в туалет и у Тарпейской скалы.
Эллада родная грустит. У Цербера и у Аида,
И даже у асфоделей - абстинентный синдром.
Кризис жанра в стране. Олимпийцы взирают уныло.
Старца великого тень страдает от бодуна.
О, Эллада моя, рапсоды тебя погубили!
Кифареды дают "ля-минор". Лыжи у печки стоят.

Александр Левченко
г. Красноярск

(«белый» гекзаметр)

В одну и ту же реку дважды войти невозможно
Трудно выпить дважды одну и ту же водку.
Крепко стою на земле, за забор ухватившись,
Потрясён и взволнован глубиной своей мысли.

«Вакханки» роспись на дренегреческой вазе

Андрей Атоян

п. Гирей

Я оплывший огарок свечи
Ни тепла от меня и ни света
А ещё далеко до рассвета
И сгореть мне в холодной ночи.

Своё ли место в жизни занимаю?
И тот ли я кем мог бы стать, не знаю.
Уходят годы, силы на исходе
А я живу как-будто, как-то, вроде...

Лицо увидишь в зеркале любом,
А хочешь душу – дай бокал с вином.

Всю жизнь кручусь как белка в колесе,
А что в итоге? Все равно как все.

Всех плодотворнее сотворчество
Двоих – меня и одиночества.

Галина Скворцова

г. Гулькевичи

Ты этот день мне подари,
Твоим приходом вдохновленный,
Твоей улыбкой озаренный,
Хмельной, как поцелуй зари.

Пусть на губах твоих дрожит
Луч солнца майского беспечно...
Счастливый день один – вся жизнь,
Та, что немислима и вечна.

рисунки Сергея Матушкина

Юрий Сальников

г. Лабинск

Исход.

Туда, в оливковые рощи
Чертополошный звон зовёт.
Здесь бытие со всем наощупь,
И знает всех наперечёт.

Там пятикнижие снимает
С себя заветную печать.
Где мирру с пальцев проливают,
Чтоб кровью этот мир зачать.

Анна Мамаенко

Г. Краснодар

Апология закрученных гаек

«Верным курсом идете, товарищи!»

В. И. Ульянов (Ленин)

Нынешний период в истории нашей страны можно считать переходным от либеральной модели правления к более жестким формам регуляции общественной жизни. Россия спортивными шагами движется в успешно-амбициозное «светлое будущее». Однако стоит ли впадать в панику по поводу утраченных демократических иллюзий? Тоталитарный режим является вполне естественным состоянием социума. Общество всегда стремится к организованности, а, как известно, человек - животное общественное. Так, тоталитарная организация (деспотия) всегда была присуща странам Востока. Вот что писал по этому поводу Ф. А. Хайдек в своей книге «Дорога к рабству»: «Принцип свободы, реализованный в Англии, был, казалось, самой судьбой предназначен распространиться по всему свету. Но где-то около 1870г. экспансии английских идей на Восток был положен конец. С этих пор началось их отступление, и иные идеи (впрочем, вовсе не новые и даже весьма старые) начали наступать с Востока на Запад». Россия всегда была по преимуществу «восточной» державой, что и выражается в постоянном, не смотря ни на что, стремлении к «сильной руке». Незадолго до революции философ и историк Вл. Соловьев развивал теорию «панмонголизма» и говорил о неизбежности нового нашествия монгольских орд. Перед Октябрем эта идея была буквально растворена в воздухе. Вспомнить хотя бы А. Блока с его «Скифами»: «Да, скифы мы! Да, азиаты мы, с раскосыми и жадными очами!». В отличие от Вл. Соловьева А. Блок видел «скифов» не вовне русского самосознания, но внутри него. Эта же мысль, об имманентности («монгольского») иерархизма и дикости русскому обществу была высказана А. Белым в его романе «Петербург». Там речь шла о потомках мирзы Аб-Лая - Аполлоне Аполлоновиче Аблеухове и его сыне, Николае Аполлоновиче. Аполлон Аполлонович представлен читателю в качестве некоего «демиурга», главы таинственного Департамента, то есть тоталитарного начала. Николай бунтует против власти отца, иногда прямо выказывая желание его уничтожить. Но чем больше он противостоит ему, тем заметнее проступают в нем самом черты Аполлона Аполлоновича. Так бунт становится похож

на самоуничтожение.

В «Легенде о Великом Инквизиторе» Федора Михайловича Достоевского, Великий Инквизитор рассказывает Христу, что изначально шел против установлений и «мечтал принести людям счастье». А затем, постепенно, принял Систему в себя и фактически стал ее олицетворением. Федор Михайлович намного опередил свое время, предсказав превращение социалистической идеи в тоталитарный строй. Причем, этот вопрос можно рассматривать как с политико-экономической стороны, так и с психологической. Первая отталкивается от утверждения, что социализм базируется на плановой экономике, ведущей к тоталитарному правлению за счет усиления регулирования общественной жизни сверху. Психологическая сторона выявления истоков тоталитаризма состоит в определенной закономерности, согласно которой, чем больше индивид (или группа) противостоит определенному политическому направлению, тем больше приобретает черт, присущих противнику.

Уже в 1931 году в «Отчете Макмиллана» можно было прочитать о «наблюдающейся в последние годы перемене в самом подходе правительства к своим функциям и усилении тенденции кабинета министров, независимо от партийной принадлежности, все более активно управлять жизнью граждан».

И все это - Запад, считающийся оплотом индивидуализма, уходящего корнями в христианство и античную философию, впервые получившего полное выражение в период Ренессанса и положившего начало той целостности, которая и называется теперь западной цивилизацией. Но, что показательно, внутри этой «целостности» возникло такое философское течение, как экзистенциализм, являющее собой ни что иное, как растерянность одинокого человека перед враждебным миром, ощущение своей заброшенности.

Западный мир стремится к тоталитаризму, как к противоположному от собственной раздробленности. Еще Ф. Ницше писал о том, что каждый, для сохранения вида, должен выполнять определенную «общественную функцию» - сверхчеловек призван управлять, а не-сверхчеловек - подчиняться. И в гораздо большей степени, чем западным странам, подобное разделение присуще России. Поскольку - и Запад, и Россия - имеют в основе своей христианскую веру, проросшую из катакомб Римской Империи, и имеющую корнем - рабство. Но западный вариант - католичество - действительно более индивидуалистичен и (как следствие?) более формален. У нас же провозглашается принцип соборности, в своем крайнем выражении переходящий в стадный инстинкт.

Однако тоталитарное правление (как бы это не прозвучало парадоксально) на самом деле предоставляет человеку гораздо большую свободу, чем либерализм. Тем, кто силен, оно дает возможность воплотиться либо как правителю, либо как борцу со строем. Тем же, кто слаб, дает относительную защищенность от случайностей (какие же случайности в Системе?) и возможность в полной мере реализовать уже упомянутый стадный инстинкт.

Тоталитарный режим позволяет творческой личности полностью раскрыть свой потенциал в акте борьбы. Он действует, как мощный усилитель творческого импульса и пассионарности, поскольку дает главное – цель. А заодно реализует функцию естественного отбора. Показательно, что советская эпоха дала нашей культуре целую плеяду ярчайших индивидуальностей. Большинство писателей старшего поколения сейчас (в эпоху либерализма) существуют в качестве литературных рантье, пользующихся материалом, накопленным за время, проведенное в Стране Советов. Например, А. Солженицын до сих пор пишет в основном вариации на тему воспоминаний о ГУЛАГе. В постреформенной стране больше писать не о чем. Так что современный литературный упадок вполне можно объяснить отсутствием «сильной руки». Ибо творческому человеку необходимо ощущать сопротивление не только внутреннего, но и внешнего материала. Как тут не вспомнить латинское изречение - *Vivere est militare...* Нет борьбы – нет жизни. Запретительные меры, принимаемые властью предержащими к творческой интеллигенции, вызывали у мыслящей части населения обратную реакцию. Вымаранное цензурой сразу же приобретало сверхценность. Действовал исконный принцип «запретного плода». И наоборот, когда цензура была отменена, интерес к современной литературе практически иссяк. То ли дело, с опаской извлекаемые из-под полы самиздатовские сборники, за одно хранение которых могли в лучшем случае уволить. Чувство опасности и сопричастности к тайне делало простых граждан тонкими ценителями поэзии, а вчерашних малоизвестных поэтов - классиками. И совершенно неправомерно утверждение, что сейчас на Руси перевелись талантливые авторы. Просто мы, общество, о них не знаем. И знать не хотим. До тех пор, пока опять не закрутят гайки, и ценность книги будет исчисляться не гниющими в издательских подвалах тиражами, а рукописными копиями, весящими в тротиловом эквиваленте...

В конце концов, сам тоталитаризм можно рассматривать как проявление творческого начала. Пассионарная личность, стоящая во главе такого государства, творит Историю. И еще один аспект - насилие (отличительная черта тоталитарного строя) - неотделимо от творчества. Это очень удачно доказал английский писатель Э. Берджес в романе «Заводной апельсин».

Когда главного героя, Коротышку Алекса, «отучили быть плохишом», он оказался физически неспособен фантазировать и воспринимать искусство. Здесь кстати вспомнить и О. Уайльда с его диалогом «Критик как художник», где автор формулирует утверждение об «аморальности всякого искусства». А Ф. Достоевский, ответивший на вопрос тогда еще юного Д. Мережковского о том, «что нужно, чтобы стать писателем» так: «Чтобы писать — страдать надо, страдать...»?! И что есть насилие, как не сострадание, освобожденное от морали? Если «палач» не работа, а творчество, палач всегда проецирует на себя мучения жертв, проживая их в психологической форме.

Из всего вышесказанного напрашивается вывод, что истоки тоталитаризма кроются как в каждом человеке, так и во всей мировой культуре. Всякий скрывает в себе антиномию «свобода - рабство», и как всякие антиномичные понятия, они друг от друга неотделимы.

Иван Кротов

Когда спящий проснётся...

Кому-то статья известного краснодарского поэта Анны Мамаенко может показаться неожиданной, но ничего нового в ней нет. «Поэт может творить только тогда, когда ему плохо» - вот одно из весьма распространённых заблуждений в отношении творческих людей. Думаю, что это не совсем так. Назову навскидку несколько фамилий: Брюсов, Байрон, художники Сёра, Тулуз-Лотрек. Всё это были люди, не обременённые бедностью, и могли позволить себе не заниматься ничем. Однако творили с завидной интенсивностью. Напомню, что Эмпедокл и Гераклит вообще были царями, но любовь к философии победила в них происхождение.

Мне кажется, что потребность творить обуславливается некими внутренними причинами, вроде спящих генов. И стоит только разбудить этого «гада» и всё: преуспевающий Гоген становится чокнутым художником. Наверно, каждый пишет о своём личном опыте. Лично я лучше всего пишу в состоянии покоя, когда меня никто не беспокоит. Как говорится: «нужны лишь мир и лёгкие налоги»... Остальное дополнит народная фантазия.

Конечно, времена меняются. Мы живём в эпоху перенаселения и тотальной грамотности. Сегодня любой, даже самый замечательный поэт всего лишь один из многих. Но люди продолжают писать. А значит – спящий ген не спит.

Евдокия Иванова
г. Гулькевичи

Зоя Белоусова
г. Гулькевичи

Пять часов. Короткий сон.
Строчки ранят, губят, лечат.
Вновь исплаканным лицом
В остывающие плечи.
Ночь доверилась до дна
Страсти, нежности и боли...
Ты сегодня не модна –
Бредишь небом и любовью.

Был просто день.
Я просто шла.
И встретила, и встретила.
Как эта встреча хороша.
Зимой в начале третьего.
Как хороша она без слов:
Без чёрного, без белого...
А всё-таки была любовь
До половины первого.

А ты спросил, зачем живу,
Но кто сказал, что я живая?
Печальной тенью проплыву
И растворюсь, не оживая.
Но не пытайся звать меня –
Давно я имя позабыла.
Смотри, как лунная петля
В ночи заманчиво застыла.

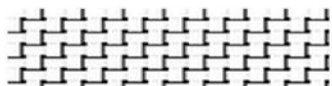
Я обид твоих не копила
И из них не строила обелисков.
Я тебя просто любила,
Ввысь взметнувшись яркою искрой.
Нам в кольце вдвоем не кружиться,
Прошлой жизни погас огонь.
Для чего мне ночами снится,
Что на сердце твоя ладонь?

Приди хоть на минуту.
Тебя я встречу у порога.
Руками плечи обниму,
Тебя коснусь,
Мой недотрога.
Зачем живешь глухим
К чужой ты боли?
Своей виною ты раним.
Любовь, как Божий дар,
Не более.

Александр Олейников
г. Гулькевичи

Гармония

Мне важно,
Чтобы в мире этом,
Всегда гармония была.
Тогда тепло
Любой планеты
Коснётся моего тепла.

Владимир Наливайко
г. Гулькевичи

Не прерывается веками жизни нить,
И поколения – другим идут для смены.
Рождаются мужчины,
 мир чтоб изменить...
И женщины – как повод той измены.

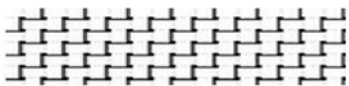
Похоронив успешно трёх мужей,
Соседка плачется,
 в печальной укоризне:
- Им хорошо. Лежат. Отмучились уже,
А каждый отнял у меня полжизни!

О разговорах

Вот раньше, мужики когда курили,
О водке, да о бабах говорили.
Сменились времена –
 сменились сцены,
И тема разговоров – только цены.

Лечебная процедура

Когда ребёнок за игрой
Воображеньем распалится,
Мозги, расплавившись, порой
Стекают прямо в ягодицы.
Чтоб разум в голову вернуть,
Чтобы унять свою отраду,
Ребёнка надобно нагнуть
И просто постучать по заду.

Сергей Мельников
г. Кропоткин

Мозгами каждый наделён,
Притом одной конструкции,
Но каждый третий обделён:
Не дал Господь инструкции.

Привалился старичок
К молодушке под бочок...
Зря она надеется:
Он лишь только греется!

На базаре проводила
Акцию девчоночка:
-Десять пирожков купи,
Соберёшь котёночка.

Двоежёнцы точно знают
Двоежёнство чем карают:
Наказания нет проще:
Две жены, а к ним две тёщи!

Зобова Светлана
п. Гирей

Твои глаза –
 как скошенные травы:
В них сладость мёда...
 и тоски отрава.

Ты и осень –
 как две капли мёда!
Ты и осень – ветер и мечта!
Ты мила в любое время года!
Будь такой прекрасною
 всегда!

Анна Мамаенко

г. Краснодар

Солнце контрабандистов

Когда кофейная гуща стоит за окном – дыши на стекло, живущий в памяти неба. Семечко в колотушке, в спелом трамвае, пока не растёшь ты – в Городе всё спокойно... Пока не захочешь нырнуть в кофейную гущу и перестать. И начать гаданье сначала. Оттуда, где безнадежно-белый корабль отплывает в прозрачную тьму. Чувствовать, как полыхает в трюме свирепое солнце контрабандистов, как по ночам отрешённо смотрит в иллюминаторные зрачки. И видит стебли дождя, цветущие перевернутым, незнакомым Городом. Птиц, впадающих в небо стаями. Танец кошачий на куполе храма. В трамвае отчалившем – лунный заяц, спящий на контролёрском месте, идущий сквозь кофейную гущу. Всё это – в неводе, трижды заброшенном... В глазах незнакомца, бредущего по лесу, случайно тенью своей припавшего к обломку сосновой коры замшелому... Из такой в детстве ладил кораблики с трамвайным билетом вместо паруса. Дыши на стекло, живущий в памяти неба – пока оно не заплачет... Протри рукой. Выпей до дна кофейное предсказанье, чтобы оно опять полыхнуло в твоей груди, чтобы взошло свирепое солнце контрабандистов.

Александр Мартусенко

г. Краснодар

“Дочь даст жизнь мёртвым...”

Это отголоски былых писем – обрывки эпохи.

Вечер. Завод. Смотрю, как от огня плавится воздух. Здесь такой зной, что я постоянно помышляю о снеге твоего тела, лилия в пшеничном поле. Вспоминаю наши прогулки по ночному снегу, бусы из хлебного мякиша к платьям. Ох, и вкусён снежок!

Утро. Заводь. Как ёж чует, что яблочко должно упасть прямо на иголки, так и я задницей ощущаю – грядёт оттепель! Удобства во дворе.

Корыто судьбы. С потолка капает зависть, капает проклятьем, и нет больше человека, а есть один только повод для сплетен.

Рыбья кровь. Ваза в анатомичке. Дочь даст жизнь мёртвым детям матери, Лилия.

1961 г

Стежки

Родился я на Евдокию Свистуху.

Под порогом мокро. Месяц умылся, и нас обмоет. Снег плющит настом. С Евдокии еще встоячь собак снегом заносит. Воздух от Москвы скверный - холодное лето. Ветры свищут - пролетье. Девушки запевают веснянки. Заверть. В станице у нас так говорят: “Евдокия благоволит, да насорит. Тепло светит солнышко, за Авдотьей поглядывает”.

А зовут меня Ручкин – учитель труда и чистописания. Я любил бродить по грунтовым дорогам, писать “Стежки” и письма девице с тонкой каймой губ. Вы, быть может, спросите, как она выглядит? Значит так, она была некрасивая. Мой отец объяснял: “Встречаться нужно со страшненькими, Господь сжалятся – пошлёт красивую”.

Угощала она красивой чёрной каломелью. И как только перешла со мной на латынь, я перестал ей писать. Опять словесные латы! А запомнился только блеск ногтя, к которому меня прижали.

Я брёл, сотрясая небо матом.

Вот моя бесхитростная история, так стишок за стишком – будет полотнище.

рис. Анны Мамаенко

Молва ходит – говор бродит...

Густыня. Густняковые заросли. После месяца-густаря тучи густеют – молоко квасится. На Савву-Пчельника, нашего пчеловода-пчелохранителя, всего в избытке: густят сок – уваривают, испаряют, густо едят; убирают улы во пшеник.

Пословица не мимо молвится.

О Густомысле, как человеку мало смыслящем, сказывают: при тебе не густо, а и без тебя не пусто.

О Густоежке, как человеку требующем сытной пищи, крутого варева, поговаривают: пусто не густо – ветер ходит, да мышшь не скребёт.

Оба они лепетали вяло и пусто и страсть как любили саламату-калужку – пресную вскипячённую болтушку; жидкий киселек, мучную кашницу, пожиже размазни из всякой муки.

И такие это никчёмные люди, что и говорить не хочется, тьфу-ты пропасть!

Правительница Басры

В Иране его называли Темурлан, войска которого завоёвывали полмира и всю бывшую Иранскую империю.

Очередной штурм ждал крепость в провинции Басра, где правительницей была женщина по имени Шахрабану.

Услышав, что вражеские войска находятся на подступах к её провинции, она направила своих гонцов к Темурлану с посланием:

«О, Достопочтенный Человек, угодный самому Всевышнему! Да будет имя твоё благословенно во веки веков!» - так начиналось послание правительницы Басры. Далее она излагала: «До сих пор на Твоём пути не выдержали и пали многочисленные войска и правители. Думаю, что Ты не посмеешь напасть на провинцию, где правителем является женщина! И женщина эта обращается к Тебе, о Благороднейший Человек, с великой просьбой! Будь благоразумен, обойди мою провинцию! Ты будешь ещё и Великим Человеком, если сделаешь так и не прольёшь невинную кровь народа Басры, следовательно, и мою! Ибо в сражениях, с помощью Всевышнего, победа может быть и на моей стороне, тогда весь мир восторжествует: «Женщина победила Великого Темурлана!» А если ты всё-таки победишь, то учти, это не будет делать Тебе чести. Ведь Ты победил женщину!..»

Послание было передано Темурлану. И поручил он своему писарю прочесть его. Внимательно выслушав его содержание, Темурлан велел:

- Войско должно обойти провинцию Басра! Мы направляемся к Персидскому заливу!

Выбор правителя

Правитель Юго-восточной провинции Ирана шах Исмаил Хатаи, перед тем, как направить своё войско против армии турецкого паши Султана Ахмеда, велел своим визирям: «Художника Бехзада спрячьте в пещере! Он не должен идти в бой. Если в предстоящем бою убьют меня, это полбеды, а если художника не станет, то наш народ многое потеряет!»

*Темурлан (Теймуре-ланг) по персидски означает «хромой Теймур»

Александра Батищева
п. Венцы-Заря

Повесть

Забыта! Уже, наверное, навсегда... Хм... Не примите это только за жалобу, сожаление или крик души... Нет, это вовсе не то. Я вовсе не страдаю. Я вообще, наверное, не приспособлена страдать. Я больше мыслю. Да, наверное, я и есть то существо со слабо выраженным эмоциональным порогом. Я не горжусь этим, и не расстраиваюсь из-за этого. Я вообще веду вынужденное существование. Я такая, какой меня создали, и изменится, наверное, не могу. Я вышла из-под чьего-то пера. Мне даже безразлично из-под чьего. Парадокс: у меня проявляется эгоизм, хотя никакими положительными чувствами, по общим меркам, не обладаю. Я... я. Я? Ну как бы поточнее выразиться... Я – повесть. Ну, или то, что внутри... Ее душа. Те самые чувства, что вплетал автор между строк. Тот самый контекст, который все такие, дико-умные, сразу видят. Хотя... Опираясь на свой «стаж существования», я могу сказать: никто даже не пытается понять меня. Все ищут на страницах повести что-то интересное для себя, пытаются сопоставить себя с героями, найти нестандартное или, хотя бы забавно изложенное, решение жизненных проблем. А мое существование игнорируют. Хотя, собственно, я – это все, что есть в повести. Я заставляю героев жить предписанной им жизнью, я заставляю события идти своим чередом. Я создаю ощущение реальности для всех, кто б ни брался с остервенением вгрызаться в написанные когда-то строчки. Я есть сущность повести. Ну есть и есть... Собственно, кому какое дело до этого. И опять – всего лишь сухой факт.

Я не буду врать, что движу целой эпопеей. Нет. Небольшая повесть. Так. Ерунда. Не скажу, конечно, что ее никто не читал. Читатели были. Даже поклонники. А теперь забыта. Автор, что создал меня, умер. Ну, или просто ушел из этого грязного мира. Я не могла не почувствовать это. Знаете, когда какой-нибудь неизвестный писатель уходит из жизни, говорят, его творения тоже умирают. А иногда они умирают раньше, чем автор... Это весьма ошибочное мнение. Творец вдохнул в нас жизнь. И мы живем. Нас, может быть, забывают, книги, может быть, исчезают, но мы не умираем. У нас, конечно, особая форма существования. Объяснить тяжело. Да и надо ли? Ни мертвы, ни живы... В своем измерении. Не чувствуем. Лишь мыслим. И все холодно-бессмертны...

Эпизод в маршрутке

Однажды я ехала в маршрутке и обратила внимание на двух мальчиков лет 3-4, которые были вместе с мамой. «Какие у вас красивые сыновья!» – не выдержала я. «А у меня ещё двое есть», – ответила она. «И ещё дочка», – добавила немного подумав. «Надо же, как здорово! Четыре сыночка и лапочка дочка. Я сама многодетная мать и очень уважаю многодетных матерей!»

Мы замолчали, а когда женщина с детьми выходила, она повернулась ко мне и сказала: «Спасибо Вам». На глазах у неё были слёзы. Я поняла, что мой восторг и уважение перед большой семьёй были для этой женщины редким исключением, а не обычной практикой.

Рис. автора

Андрей Атоян

п. Гирей

Было...

Парило. Душило. Давило. Нудилось. Хондрилось. Не спалось. Не думалось.

Жужжит муха. Прилетела села на нос. Начала чиститься, сволочь. Треснись! Нет сил. Лень. Терплю. Щекотно. Вот-вот чихну. Не чихнул. Улетела. Пришел кот. Бабай. Что за имя? Узбек что-ли? Трётся мордой о диван. Шерсть клочьями. У, гад облезлый. А он мурлыкает. Громко. Противно. В углу сломанный зонт. Откуда? Хряснуть что-ли кота?

Чтоб заорал или ... Лень. Тоска. Кот ушел. Звякнул Бобик. Шаги. Кого еще там несет?

Глаза не открываю. Стучат. Лежу. Входят. Кашляют. Глаза не открываю. Кашляют громче. Вдыхаю. Открываю один глаз. Левый. Кукушкин, чтоб он сдох! Стоит. Голова набок. Наблюдает. Увидел. Оскалится. Подошел. Сел. Спрашивает что-то. Я закрыл глаза.

Его рука у меня на лбу. Потная. Липкая. Фу, гадость. Терплю. Наконец он встал. Скрипнула дверь. Заорал кот. Взбесилась собака. И снова тихо. Душно. Тоска. Выть хочется. У-у-у-у...

ТРЕХСТИШИЯ

Светлана Зобова
п. Гирей

Полдень. Жара.
Время тянется медленно,
Словно улитка,
ползущая по асфальту...

Скорей бы вечер.
Скорей бы прохлада –
Изнемогаю!

Ты просто лист,
Тебя сорвало ветром
И унесло в прошедшую
любовь!

Роман Литвиненко
п. Гирей

наверху – добро
внизу – зло.
а между ними –
человек...

заснуть не смогу –
расцвёл абрикос
под моим окном...

поле и небо
слились воедино -
мой путь бесконечен

дыханье неба
укрыло землю
листочком клёна...

Олег Литвиненко
п. Гирей

млечный путь раскинулся
по всему ночному небу.
дорога к жизни...

тёплый ночной ветер
греет твою душу –
объятие вселенной!

Антон Илларионов
г. Краснодар

тебе пятнадцать лет -
холодный в лилиях рассвет
играет на волне залива

Эмо-хайку №2
подвернут рукав...
есть ли что-то прекрасней
царапин на тонком запястье?

из телефонной книги номер
не спешу стирать
уже пять лет

пусть сплелись языками -
их яд невредим
друг для друга

опрокинутый месяц -
мой путь, как и прежде,
совсем ненадежен

Александр Левченко
г. Красноярск

Дорожное

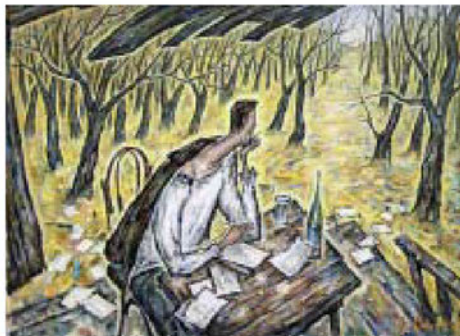
Стук колёс.
Звякает ложечка в чайном стакане.
Виды родимой страны за окном
наполняют душу самыми противоречивыми чувствами.
Но тихая радость нисходит в сердце,
когда снаряд подношу к орудийному жерлу.
Пожилой железнодорожник машет флажком:
«Счастливого пути, бронепоезд «Москва – Владивосток»!»

бронепоезд «Москва-Владивосток», фото ред. 2017 г

Обречены на поражение попытки
Воссоздать на холсте подобие жизни
Вечернее солнце освещает
мои мертвенно вросшие в задницу руки
Я пишу пейзаж...

Осенним тоскливым вечером
Выйду на улицу с палкой
И палкой этой железной
Тресну по шее кого-нибудь,
Чтобы не только мне
На душе было гадко и муторно.

картина А. Левченко «Элегия»

СЕАНС МАГИИ С РАЗОБЛАЧЕНИЕМ

*Эта рубрика создавалась как своеобразное буриме в прозе.
Насколько она получилась – судить Вам, уважаемый читатель.*

Игорь Васильев Александр Мартусенко

Царевна, которая задумалась.

В одном великом и славном царстве жила царевна. В один прекрасный день она стала задумываться: «Ну, вот выдадут меня замуж. Рожу детей, состарюсь, умру. И что? Может, я создана для чего-то другого?». Царевна стала думать об этом часто. Поэтому она решила обратиться за ответом к древним богам. Для этого надо было пойти к великой пирамиде забытого народа. Найти у её подножия поле, где древние играли в мяч человеческими головами. И провести на поле ночь в одиночестве. Царевна была смелой и самоуверенной. Без колебаний она осталась одна на страшном поле. Долго ничего не происходило. Царевна стала мёрзнуть и скептически ухмыляться. Но вот что-то изменилось. С двух сторон поле замыкали высокие стены. Внезапно царевна заметила в них круглые отверстия на высоте человеческого роста.

Вдруг, прямо из этих отверстий, появились жрецы, чёрный и белый. Чёрный стал по левую сторону, а белый – по правую. Они стали что-то рассказывать и показывать. От этого у царевны раскололась голова. На левую и правую половины. Потом раскололась и вся царевна. Её левая половина как змея поползла за чёрным жрецом. А правая – за белым. Каждая половина при помощи жреца залезла в своё отверстие. Потом всё скрыла тьма.

Неизвестно, сколько прошло времени, но обе половины выползли обратно на поле и сползлись в его центре. И стали рассказывать друг другу то, что видели.

- Я ползла по серому коридору, который слегка светился изнутри, - рассказывала левая, - а впереди всегда было облако тьмы, которое отдалялось от меня. Пока я ползла, оно рассказывало: «Я – бог Смерти! Я был вечен. Но меня не было никогда. А раз меня никогда не было, мне было ничего не надо. Ничто не нарушало покой.

Но вот появился бог Жизни, вертлявый и беспокойный луч. Для него не было покоя. Бог Жизни не мог найти себе место. Он мечтал сесть и спокойно посидеть, но для этого надо было на кого-то смотреть. А смотреть было не на кого. Поэтому бог Жизни создал живые существа. Они суетятся

и мучаются. А бог Жизни сидит и смотрит. Но живые существа имеют в себе искру знания, поэтому они рано или поздно умирают. И бог Жизни должен их отпускать. Но пока они глупы, он заставляет их плодить себе подобных, чтобы умершим всегда можно было найти замену. А умершие становятся мной и ничем. Бог Жизни боится, что умершие начнут умирать слишком быстро. Поэтому он заставляет их бояться смерти. Заставляет бояться страданий и постоянно страдать». Потом чёрный жрец поволок меня по коридору назад. «И вот я приползла сюда» - сказала левая половина.

Следом рассказала правая половина.

Она застала бога Жизни, набивающим свою трубку тремя священными травами. Вот их имена: голубой лотос, гавайская роза, шалфей-предсказатель. Дым из раскуренной трубки, осторожно коснулся её горячего лба.

рис. Ивана Карасёва

- Э-эх, - медленно вздохнул Бог Жизни. Над ним вспыхивали и неторопливо гасли видения.

- Вот вскрытие гения. На скорбном листе картина «Рак мозга». Каково лежать в гробу с головой набитой газетами? Всё будто бы нарисованное, сотри – и ничего не будет..

«Вижу себя умершим, в гробу. И в то же время стою у гроба и плачу над покойником. А он меня утешает, говорит, что я живой и нечего плакать...»

...Он дарил букеты слов – слёзы, настоянные на любви. Минералкой разбавлял Пустоту, когда подступала изжога. Понимал, что живёт, когда по осени начинал болеть порожный рукав, той руки что оставил на съедение Смерть-Войне. Известный экономист, по призванию своему библиотекарь, в гастрономе продавец, в народе колхозник, закончил свои дни в психиатрическом убежище.

- Дурёха, - сказал ей бог Жизни, - разыграл тебя мой брат: жизнь постигается только через смерть, а смерть через жизнь и никак иначе. Вот оправдание предрассудка. Стоит по-настоящему уверовать вам, что сырое мясо снится к болезни, и действительно, вы будете предупреждены при первом её приближении. Так и Жизнь-Смерть, Пространство-Время. Но для тебя, о, несчастная, нет теперь ни того, ни другого! Глупая, слушающая жрецов-болтунов, ты раздвоилась на сегодняшний и завтрашний день, чёрное и белое, правое и левое, аверс и реверс, инь и ян, курицу и яйцо, самогон и закуску, Белку и Стрелку, Ленина и бревно, Кастанеду и Дона Хуана, водку и сивушные масла, мартышку и очки, на бузину и дядьку.

И она с ужасом увидела, как бог Жизни медленно погружается в бога Смерти, бог Смерти в бога Жизни помельче, а тот в свою очередь в совсем уж мелкого божка и т. д. Все они беззаботно хохотали над её глупостью, показывали языки, толкались, весело подзадоривая друг друга.

Тьфу-ты пропасть, какие невоспитанные!

рис. Ивана Карасёва

Иван Кротов

г. Гулькевичи

Мотылёк.

Звук. Свет. Мелькание. Ну да, я снова в теме. Облака бегут по миру. Яблони в цвету. Красота! А я бессмертно-смертный мотылёк – крылышками: бяк, бяк! Лечу, куда хочу...

Что? Да, тот самый. Живу день: утром рождаюсь, вечером – умираю. И снова возрождаюсь. Обновляюсь, вращая колесо Закона. Что мне жизнь, если её – до заката? И что мне смерть, если она – только до рассвета? Мельтешня.

А я крылышком – бяк! А потом ещё – бяк... На спину повернусь, чешуёй на солнце блесну. Комету пролетающую на лету схвачу. Пушинку легонько сдую. Захочу огнём пыхну, а нет – тенью промелькну. Выпала чешуйка из крыла – кто-то умер. До земли долетела – кто-то родился.

Внизу хорошо. Наверху – красиво. Смотрю, посередине двое ряженных спорят. Ничего вокруг не видят, кулачками трясут, слюной брызжут. Одуванчики зазря топчут. Маски надели и вообразили себя Бог знает кем. Тот, который не видел смерти, кричит: «Я бог Смерти!» Другой, не видевший жизни, кричит: «Я бог Жизни!» Всё спорят, кто кого важней да бессмертнее. Чудные. Так и мельтешат.

А я крылышком – бяк... и полетел дальше. День-то ещё длинный.

Кошелёк из кожи.

На днях мы заговорили дома о свойствах человеческой кожи и мама рассказала такую историю: «Дядя Коля по прозвищу «Гром» вернувшись с войны в Рубцовск, привёз из Германии кошелёк из человеческой кожи. Красивый такой, мягкий. Хозяйственные немцы иного чего изготавливали в концлагерях. Дядя Коля показывал его своим знакомым и говорил: «вот что фашисты хотели сделать с нашим народом». Все смотрели на кошелёк и плакали»...

Когда умирает дракон...

Когда умирает дракон, рождается мотылёк. Вот он летит, расправив бумагокрылья над тлеющим снегом. Мой воздушный воин. Ему видно, как соседский мальчик хоронит кошелёк из человеческой кожи. Привезённый с Войны кошелёк дед достанет и плачет по всем тем, кто летит в вышине. Мать гладит свой беременный живот (отец ждёт дочь). Бабушка смеётся над дедом: старик с хвостотиной ищет внука, тот копия он – будет молчать партизаном. Брат украдкой целует девчонку.

Мальчишки запускают воздушного змея, один из них я.

Иван Карасёв
г. Краснодар

Добрая, добрая сказка на ночь

«Я – царь, я – раб,
Я червь, я – Бог...»
Г. Державин, «Бог»

- Ты не можешь уснуть, дружок?
- Нет. Никак.
- Давай я расскажу тебе сказку?
- Давай...

...

Гусеница хотела быть соловьем. Она слушала, как он начинал свою трель, и всю ее членистоногую плоть до щекотания будто пронизывала шелковая нить. Так и висела в метаморфозных судорогах сна гусеница. И снилось ей, что она и есть соловей, который скачет с ветки на ветку. Не жнет, не пашет, а богатеет песенной думкой.

Но допрыгался соловей и уснул в гнезде. И снилось ему будто он – старый музыкант. Развалина такая с клюкой. Но стоило заиграть маэстро и он, словно заново собирал из хаоса медленного угасания эхо прошлых жизней. Оно долго звучало между еще теплых струн, – струн еще более древнего инструмента, – пока музыка не перерастала в иную фазу, фазу маленькой смерти – погружения в сон.

И виделось старику маленькая девочка, которую мать никак не могла уложить спать:

– Спи. Отчего же ты не спишь?

– Ты мне подушку набила соломой да тряпьем, а я не хочу соломенно-тряпичных снов, – тянула предсонное время дочь. – То ли дело вчера, когда я спала на косточках...

...Гусеница вздрогнула и невольно поежилась в своих ощущениях: «Если вершину эволюционной пирамиды занимает людоед, то где совершенство? Не в обратном ли отсчете все дело, и Бог таится в бесконечно малом? О, Дарвин! О, Ламарк! – покрылась оранжевым смехом гусеница. – Как вы были неправы! Я уже молчу про то, что...

Тут гусеница принялась размышлять о происхождении видов. Что если человек произошел не от рыбы, а от насекомого, и человеческие ребра – это останки конечностей древнейших существ. У хомо сапиенс две ноги, у жука – шесть, у паука – восемь, у сороконожки... Разум обратно пропорционален конечностям.

Тут гусеница прервала ряд своих быстротечных сновидений, чтобы попорхав бабочкой, отдать Богу душу.

...

Если уже ночь, читатель, то иди спать и пусть приснится тебе сон.

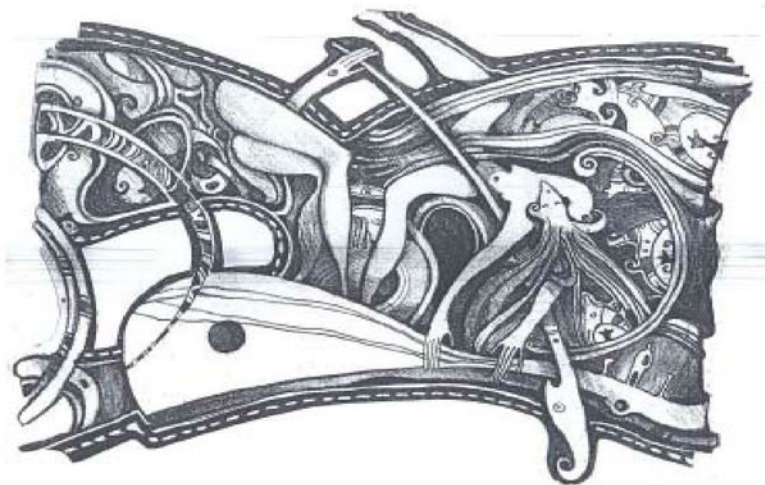

рисунок Сергея Матушкина

